

КНИГА ЗА КНИГОЎ



Я. Т А Й Ц
Д О М

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1939



T 148

Я. ТАЙЦ

Д О М

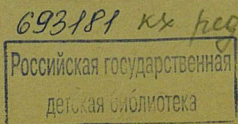
Рисунки
В. ЛАДЯГИНА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1989 ЛЕНИНГРАД

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Н. Максимова.*
Художественный редактор *П. Суворов.*
Технический редактор *Г. Шейнберг.*
Корректоры *З. Молодык* и *С. Боровская.* Сдано в производство 26/II 1939г.
Подписано к печати 15/IV 1939 г.
Детиздат № 2144. Индекс Д-6. Формат
65 × 93¹/₁₆. 1 печ. л. (1 уч.-авт. л.).
Уполномоченный Главлита А-10217.
Тираж 100 000 экз. Зак. 89.

Фабрика детской книги Издательства
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушевский вал, 49.



За околицей, на отлете, одиноко стояла изба. Кто в ней жил? Старик Аким, жена его Акулина и ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький—Кирюшка.

Жили ни бедно, ни богато—как в песне поется:

Он ни беден, ни богат,
Полна горница ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу маслену едят.

Правда, кашу ели не масленую, а пустую. Время тогда стояло голодное, шла гражданская война, красные воевали с белыми.

Вот красные заняли это село. А командир у них был известный герой Котовский.

Богатые мужики плохо встретили красных. Зато бедные—очень хорошо. А не богатые и не бедные—не плохо и не хорошо. Так же и Аким.

Ребята его побежали на улицу, а он

остался дома, притаился, смотрит в щелочку.

Запыленные, усталые, шли котовцы. Впереди, на сером жеребчике; ехал сам Котовский — высокий, прямой, статный... Аким вздохнул:

— Серьезный у них командир, чистый генерал! Гляди, Акулина, бабы им хлеба выносят. А Спиридониха им шматок сала несет. Вот дурная!

— Беда, — отозвалась Акулина: — поляки были — свинью порешили, петлюровцы были — коня увели, теперь красные пришли — сало отымают. А у нас, кроме дома, и взять-то нечего.

Аким с тревогой оглянулся. И хоть в хате было темно, он ясно видел все свое, привычное: вот он, сундук, вот она, дубовая кровать, вот они, семь подушек мал мала меньше... Он очень боялся за свой дом. Правда, это был не то чтобы дом, а правильней сказать — изба. И не то чтобы изба, а верней всего — избушка. Он сам ее в молодые годы срубил — по бревнышку, по колышку...

В дверь постучали.

— Они! Легки на помине! — зашептала Акулина. — Не пускай их, Акимушко, не пускай!

Но дверь уже отворилась, и в хату ввалились ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка. И еще соседские: Петька, Мотя, Луша...

Это бы все ничего. Но среди ребят возвышались два котовца в высоких, бутылкой, шлемах, в потрепанных шинелях, с винтовками, шашками, гранатами...

— Сюда идите, красные армейцы, сюда, не бойтесь! — шумели ребята. — Сымайте ружья, сымайте шашки! А пулеметов нема, максимков этих?

Котовцы улыбались Акиму:

— Домик, верно, славный у тебя, товарищ!

Акиму очень понравилось это слово — „товарищ“, но он боялся: они войдут, сядут, а то и лягут, сомнут подушки, угощения потребуют. И вместо того, чтобы сказать: „Да что вы стоите? Заходите!“, он стал врать:

— Какой там славный! Крыша насквозь сопрела, по всем щелям ветер бьет.

Акулина запричитала:

— Немцы были — все жито до зерна обчистили, петлюровцы были — коня увели, поляки были...

Котовец перебил:

— Все село привечает нас, а в этом

славном доме, значит, элемент особый. — Он снял шлем, вытер лицо. — Видать, с поляками сладко-сахарно жилось!

Аким покосился на жену:

— От и сладко ж! Хряка закололи, жену мою сапогами в живот пхали! — Он разозлился. — Мой элемент такой, что места для чужого дяди у меня нема, хоть он и красный, хоть какой другой. А там как хотите!

Соседские ребята засуетились:

— К нам идите, красные армейцы, к нам, туточки близко!

Котовец надел шлем:

— Пойдем, Петров! А тебе, хозяин, спасибо за ласку!

Они, хлопнув дверью, ушли. В избе стало тихо. Вдруг Кирюшка заплакал:

— Батька, плохой, почему не пустил!

Старик разорался:

— Цыц! Меня не учить! Голова як казан, а разуму ни ложки!

Три дня отдыхали котовцы в селе, и все три дня Акимовы ребята пропадали у соседей. А Кирюшка раз прибежал вечером веселый, важный:

— Ребята, ребята, а я с кем говорил!

— С кем?

— С Котовским!



— Сюда идите, красные армейцы, сюда, не бойтесь! —
шумели ребята.

— Ври!

— Чтоб я лопнул! Он у Спиридонихи стоит. Я туда пошел, и вдруг — он. С коня слазит. А я не побоялся. Стою такочки, смотрю. А он говорит: „Котовцем хочешь быть?“ Я говорю: „Хочу!“ Он меня тогда взял и на своего коня посадил. Во! А слез-то я сам. А он говорит: „В-в-вырастешь, помни К-к-котовского!“ Он, ребята, трошки заикается!

— Правда!

— Он!

Ребята с завистью смотрели на Кирюшку. А он достал из-за пазухи какую-то фляжку с заграничными буквами и похвалился:

— Глядите, что я в лесу нашел! Поляцкая, верно!

От фляжки несло спиртным. Подошел Аким, повел носом:

— Это что у вас?

— Нема ничего!

Кирюшка незаметно сунул находку в печь. Легли спать.

Среди ночи Акулина вскочила:

— Ой, ратуйте, ратуйте!

Она растолкала спящих. Спасать добро было поздно. Горящий спирт из фляжки залил все вокруг. Сухой сосновый домик



— А он говорит: «Котовцем хочешь быть?»

горел, как спичка. Пришлось всем, захватив одежку, прыгать в окно. Сотни огненных языков жадно лизали стены, крышу...

Вот рухнула стропила, взметнулись искры, посыпались на Акима,—старик не шевельнулся, будто каменный. Акулина выла:

— Ой, лихо нам, ой, ратуйте!

Сбежался народ—кто в штанах, кто в рубахе, кто в чем. Акулину утешали. А Кирюшке хоть бы что. Ему пожар понравился. Хоть бы каждый день такие! И вдруг он увидел маленького полкового трубача и — Котовского.

Кирюшка подбежал, гордый:

— Это у нас пожар, у нас!

Но командир не узнал „котовца“. Он обернулся:

— Дай тревогу!

Сигналист поднял трубу. Пронзительные звуки покрыли всё: треск пожара, шум толпы, плач Акулины...

И сразу же сбежались котовцы. И сразу же они привычно, молча строились колоннами повзводно. Старшины негромко командовали:

— Становись! Равняйся! Смирно!

Изда догорала. Над лесом встало другое зарево—занимался день. Комбриг прошелся вдоль рядов:

— Т-т-товарищи бойцы, командиры и политработники! К-к-короче говоря, если мы все, всем квартирующим здесь полком, возьмемся за работу, то мы, я думаю, поставим к вечеру п-п-погоревшему селянину новый дом! А?

— Надо!— зашумели бойцы.

Аким с подпаленной бородой лежал на земле. Котовский, отмахиваясь от едкого дыма, подошел к нему:

— Товарищ, можешь показать на бумаге, какая твоя изба была?

— Была?— Аким поднял голову, бессмысленно посмотрел на Котовского.— На бумаге не могу, я так скажу!— Он вскочил.— Здесь от такочки были сенцы... тучочки крылечко... ось так чистая по...половина...— Он заплакал и стал бородой вытирать глаза.— Я ж сам ее срубил... по бревнышку...

Котовский поднялся на бугор:

— По-олк, слушай мою команду! Вечером выступаем! А сейчас — за работу! Топоры и пилы — у командира саперного взвода. Гвозди получите в обозе. Там же — пакля. Разой-дись!

Аким не понимал, что такое творится. Один взвод расчищал остатки сгоревшего дома. Другие ушли в лес. Там в утренней тишине застучали топоры, запели пилы.

Часто, одна за одной, валились высокие сосны. Бойцы быстро обрубали ветки, обдирали кору и на полковых лошадях везли стволы к пожарищу. Здесь их подхватывали сотни рук и укладывали по всем правилам плотницкого искусства.

Комбриг, обтесывая жирный бок смолистого бревна, спрашивал у Акима:

— Так, что ли, старик? Окно-то здесь было, что ли?

Старик, разинув рот, остолбенело смотрел на то, как с каждой минутой, точно в сказке, вырастает большой новый дом. К обеду уже поднялись высокие — о семнадцати стволах — стены. Одни котовцы ушли к полковым кухням — пришли другие, стали класть поперечные балки, стелить крышу, заделывать венцы... В стороне визжала пила-одноручка — там мастерились двери, оконные рамы, наличники... Винтовки пирамидками ждали на лугу. Котовский поторапливал:

— Б-быстрей, товарищи! Д-д-дружней, товарищи! — Он подмигивал старику. — У нас дело по-американски, как у Форда!

— Якая такая форда? — растерянно бормотал старик и ловко, как молодой, полез заплетать камышевую крышу.

К вечеру дом был готов. Народ повалил



Комбриг обтесывал жирный бок смолистого бревна.

туда. Аким медленно поднялся по новым ступенькам. Они сладко скрипели. Он потрогал стены: может, он волшебный, этот в один день поставленный дом, и вот-вот развалится?

Но дом стоял твердо, как все порядочные дома. Пускай окна без стекол, пол некрашенный, мебелировки никакой—это все дело наживное.

На лугу заиграла труба. Бойцы стряхивали с себя стружки, опилки, разбирали винтовки, строились. Аким и Акулина выскочили из нового дома, пробежали вдоль строя вперед, к командиру.

Котовский уже сидел на серой своей лошадке. Полк ждал его команды.

— Батюшка! Родной мой, ласковый!— заплакала Акулина. Она обняла и стала целовать запыленный сапог командира.

Котовский сердито звякнул шпорой, отодвинулся:

— Что делаешь, г-гражданка?— Он погладил ее по растрепанной седой голове и протянул руку Акиму. — Живите! Когда-нибудь получше поставим... из мрамора... с колоннами... А пока...

Он привстал в стременах, обернулся:

— По-олк, слушай мою команду! Шаг-гом...



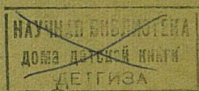
Котовский погладил Акулину по растрепанной седой голове.

Застучали копыта, загремели тачанки,
заиграли голосистые баяны в головном
взводе; запевалы подхватили:

Пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет.
Поляки отступали,
Мы двигались вперед.

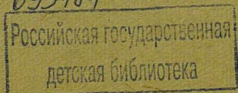
И котовцы ушли—гнать поляков, вое-
вать за вольную Советскую Украину.

А дом—дом, конечно, остался. Он и
сейчас там стоит—за околицей, на отлете,
среди лугов и полей колхоза имени Ко-
товского. Так что, выходит, не один Кирю-
шка—все в деревне стали котовцами. Впро-
чем, какой он вам Кирюшка—Кирилл Аки-
мыч, председатель колхоза...



Э0448

693181



306.866

~~34403~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
~~ДОМА~~ ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

К

100 =

ЦЕНА 35 КОП.—

ЦК ВЛКСМ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА
«КНИГА ЗА КНИГОЙ»
на 1939 год

1. ПУШКИН — «Песнь о вещем Олеге» и другие стихи
2. ЖУКОВСКИЙ — Кот в сапогах
3. ЛЕРМОНТОВ — «Бородино» и другие стихи
4. ГОГОЛЬ — Ночь перед рождеством
5. ШЕВЧЕНКО — Батрачка
6. ГОРЬКИЙ — Детство Ильи
7. МАЯКОВСКИЙ — Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий
8. КОРОЛЕНКО — Слепой музыкант
9. СТАНЮКОВИЧ — Человек за бортом
10. Дж. ЛОНДОН — Крис Фаррингтон
11. КУПРИН — Белый пудель
12. СЕРАФИМОВИЧ — Воробьиная ночь
13. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Забавное воскресенье
14. МИХАЛКОВ — Миша Корольков
15. БАРТО — На заставе
16. КАССИЛЬ — Губернаторский пассажир
17. ПЕРВЕНЦЕВ — Володька — партизанский сын
18. Илья Муромец (былина)
19. Шемякин суд (русские народные сказки)
20. Хечо-лентяй (грузинская народная сказка)
21. Синдбад-Мореход (из арабских сказок «Тысяча и одна ночь»)

и ряд других книг.